

Владимир Напольских

**Йӧгра.
(Ранние обско-угорско-пермские
контакты и этнонимия)¹**

Проблема географической локализации и этноязыковой идентификации *Югры* — народа и/или области, упоминаемых в древнерусских источниках с XI века, более двух столетий привлекает внимание исследователей. Уже для самых ранних работ немецких ученых, работавших в России (см., например, специальное исследование, во многом до сих пор не потерявшее ценности [Лерберг 1819]), а вслед за ними — и русских ученых, был характерен исторический подход, основанный, прежде всего, на тщательном источниковедческом анализе документов. С другой стороны, в построениях деятелей западноевропейского Просвещения и науки со времен Энея Сильвия Пикколомини (середина XV века, еще без упоминания собственно *Югры*) и Матвея Меховского (начало XVI

**Владимир Владимирович
Напольских**
Удмуртский государственный
университет, Ижевск

¹ Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) (грант № КИ 079-2-02). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

века) [Zsirai 1930: 61–63; Хайду 1985: 342–343; Матвей Меховский, I.П.5.], главную роль играла мифологизированная тема азиатского генезиса венгров, подкрепляемая внешним созвучием более или менее искаженного русского слова *Югра* (лат. *Jugria, Juhra*) и названия венгров в средневековой латыни (*Hungari*) и в славянских языках (*угры, Huhri* у Матвея Меховского [I.П.5.]). Фраза «*Juhra inde Ungarorum origo*» на карте С. Герберштейна (1549 г.), в различных вариациях переносимая с одной западноевропейской карты на другую [Замысловский 1884; Zsirai 1930: 62–71; Дмитриев 1894: 35–39], является квинтэссенцией этой темы, дожившей в слегка модернизированном виде и вплоть до вполне научных работ некоторых венгерских исследователей конца XIX — первой половины XX века и в некоторой степени сказывающейся на подходе многих финно-угроведов к данной проблеме до сих пор.

Др.-рус. *Югра* (*Югричи, Югорская земля*) с XI в. означало народ и/или страну (уточнение содержания термина имеет принципиальное значение, см. ниже) где-то на крайнем северо-востоке новгородских земель, за *Печерой* (др.-рус. этнопоним, в отличие от современного названия р. *Печоры*; хотя одно название с другим связано, смешивать их, как это зачастую делается, нельзя), а по крайней мере с сер. XIV в. — конкретно районы и население северного Зауралья и Нижнего Приобья. Данное слово безусловно связано в первую очередь с коми *jęgra* ‘(северные) ханты и манси’. Высказывались предположения как о заимствовании из коми в древнерусский, так и наоборот (см. [Фасмер IV: 527]).

Заимствование из (древне)русского в коми маловероятно по историко-географическим соображениям: трудно объяснить, почему коми использовали русское, т.е. *западное* слово для именованья давно и хорошо известных им *восточных* соседей, обских угров. Кроме того, *ę* в русских заимствованиях коми языка отражает русское **o*, но никак не **u* (формы типа **Ёгра* в русских источниках нет). Единственным аргументом в пользу этой гипотезы является безосновательное (см. ниже) предположение о наличии собственно древнерусской этимологии для данного слова: *Югра*, якобы, из *Угра* (такая форма эпизодически встречается в источниках и в отношении *Югры*) < др.-рус. *Угъри* ‘венгры’ (изредка встречается в древнерусских источниках и форма *Югры* применительно к венграм). Древнерусское же название венгров восходит к общеслав. **ogŭr-* ‘венгр’ (рус. *венгр* заимствовано позже из польского *węgiel* < **ogŭr-*), которое, как было показано еще в конце XIX века [Фасмер IV: 147], отражает название тюркского (видимо — болгарского) племени *оногуров*, обитавшего в южнорусских степях в V–VI вв. = болгар. **on-ogur* ‘десять *огур*(ов)’.

Ясно, что предположение о заимствовании из (древне)русского в коми предусматривает далеко идущие этноисторические импликации в духе все той же темы венгерской прародины на востоке. Однако, хотя само по себе происхождение венгров от их общих предков с хантами и манси — носителей угорского праязыка и самоназвания **mańćz* (см. ниже) не подлежит сомнению, вряд ли это обстоятельство могло быть известно новгородцам в XI веке, и, следовательно, причины переноса славянского названия венгров на *Югру* остаются непонятными. Сторонниками рассматриваемой гипотезы было предложено весьма хитрое объяснение: некогда, якобы, на «восточное крыло финно-угров» было перенесено название тюркovoногуров, затем это название дало в славянских языках имя венгров (*угры*), а в древнерусском — еще и обских угров (*Югра*). При этом наличие двух форм (*Угры* ~ *Югра*) в древнерусском объясняется тем, что с обскими уграми на северо-востоке и с венграми на юго-западе соприкасались носители разных древнерусских диалектов [Zsirai 1930: 119–123]. Таким образом, предполагалось, что словом *оногур* или производным от него называли себя, по-видимому, сами угры (собственно, *праугры* — носители угорского праязыка и самоназвания **mańćz*) или так называли *всех угров* (или *праугров*) какие-то их соседи.

Данное объяснение, однако, встречает еще больше возражений, чем предположение о наличии среди новгородцев XI века великих лингвистов, за восемь столетий предвосхитивших появление финно-угристики. Во-первых, как резонно замечает К. Редей, «обские угры никогда не принадлежали к племенному союзу оногуров <...>. Ко времени сложения оногурского племенного союза в южнорусских степях около V в. ханты и манси жили уже отчасти в Сибири, отчасти еще на европейской стороне от Урала» [Redei 1991: 162]. Не совсем понятна его уверенность в оценке времени сложения оногурского объединения и едва ли верно расставлены «уже» и «еще», которые лучше было бы поменять местами, но по сути сказано верно: как бы поздно мы не датировали распад праугорского единства и начало движения протовенгров из зауральских лесостепей на запад, случилось это никак не позже середины I тыс. до н.э. (подробнее см. [Напольских 1997: 61–62, 125]), — думать о существовании в столь отдаленную эпоху племени, да и самого имени *оногуров*, а, следовательно, и о переносе этого названия на всех угров, как-то боязно, не говоря уж о том, что для того, чтобы употребить данный этноним для обозначения общих предков обских угров и венгров, славяне, только у которых оба слова (*Угры* и *Югра*) и зафиксированы, должны были знать о существовании угорской общности в Западной Сибири и За-

уралье в сер. I тыс. до н.э.! Во-вторых, нет никаких следов и доказательств того, что слово *onogur* служило когда-либо само-названием не то что праугров в целом, но и вообще хоть какой-нибудь угорской группировки; равно нет и свидетельств об использовании этого названия в отношении всех угров каким-либо другим народом (у славян это, даже по М. Жираи — уже *заимствование* из какого-то неславянского источника).

Предположение Б. Мункачи о заимствовании др.-рус. *Югра* из болгарского **jugor* < **ugor* < (*on*)*ogur* [Munkácsi 1895] встречает те же исторические возражения и слабо с лингвистической точки зрения (не имеет объяснения ранняя прејотация в болгарском). Следовательно, на роль неведомых соседей угров, от которых славяне, якобы, заимствовали слово **onogur*, могут — среди известных народов — претендовать только предки коми, но тогда первичной для русского *Югра* следует считать форму коми языка с начальным *j*- и с огласовкой на *е*, и *оногуры* здесь, таким образом, все равно ни при чем.

Самый главный аргумент против гипотезы М. Жираи состоит, однако, в том, что, как показывает анализ источников, в древнерусском безусловно первичной является форма *Югра*, вариант же *Угра* достаточно экзотичен и объясним древнерусской дейотацией (*юность* ~ *уность*), ничуть не более редкой, чем прејотация [Katz, Koch 1987: 100–102]. Необходимо, по-видимому, также учитывать возможность поздней контаминации квазиомонимичных этнонимов различного происхождения: *Югра* ‘народ и земля на крайнем северо-востоке Руси’ (← коми *jegra*, см. ниже) и *Угры* ‘венгры’ (< ПСл *ogŭr* ← булг. *onogur*).

На первичность формы с *j*- помимо анализа древнерусских документов и коми *jegra* указывают и восходящие как минимум к первой половине X века (Ибн Фадлан) свидетельства арабских географов, о жившем на север от Волжской Булгарии народе | *يور* [*jūra*], | *يورا* [*jūrā*], | *يوغر* [*jūgra*] (последняя форма — у ал-‘Умари, XIV век, видимо, наиболее близкая к оригиналу), до земель которого, богатых соболем, добирались по снегу на лыжах, а товары везли на влекомых собаками санках. Земли эти находились на восток от земель *Вису* (вепсы?), а от Булгара на север в 20 днях пути, за ними начиналось море, где водилась «рыба», из «зубов» которой делали рукоятки мечей (видимо — морж) [Бартольд 1963: 834–836]. В данном случае форма с **ju*-происходит скорее всего из болгарского языка (Ибн Фадлан в своем сообщении прямо указывает на болгарского царя как источник сведений о народе *йура*), куда могла попасть скорее не из пермского (в этом случае следовало бы ожидать скорее **jōgra* > *jegra* → булг. **jeŭra*, которое было бы передано араб-

ской графикой скорее как **يغرا*, без буквы *вав*), а из древнерусского языка, что указывает на раннюю древнерусскую форму с *j*- и очевидно еще раз исключает гипотезу о появлении формы *Югра* в результате древнерусской прейотации.

Существует еще одна гипотеза происхождения названия *Югра*, предложенная И. Вашари, согласно которой оно восходит к названию одного из уйгурских племен — *jugur* (цит. по: [Rédei 1991: 162]). Хотя объяснить возникновение коми *jegra* из *jugur* фонетически трудно, но возможно, все же остается совершенной загадкой, почему в отношении населения, живущего где-то далеко на севере, где никогда не было никаких тюрков, стало употребляться название одного из тюркских, точнее даже — специально уйгурских племен. Следование старой традиции связывать *Югру* если не с венграми, то хотя бы с тюрками, приводит и в данном случае к ничуть не более правдоподобным результатам, чем прежде.

Есть все основания для заключения: древнерусское *Югра* безусловно заимствовано из пермского (древнекоми) источника, и ни *Югра*, ни коми *jegra* не имеют никакого отношения ни к славянскому названию венгров (*угры*), ни к тюркской этнонимии.

Коми слово *jegra* имеет параллель в удмуртском языке: удм. *egra* ‘*Эгра* (название удмуртского родового объединения, жившего в центре и на северо-востоке Удмуртии)’. Дейотация в анлауте в удмуртском закономерна (ср. коми *jektini* ‘плясать’ ~ удм. *ektini* ‘плясать’ и др.). Эти названия возводимы к ППерм **jogra*. При этом источником ни коми, ни удмуртского, ни тем более — прапермского слова, судя по фонетическим критериям, не могло быть (др.-)рус. *Югра*, а бесспорная удмуртская параллель еще раз указывает на древность коми *jegra* и — косвенно — на его первичность по отношению к др.-рус. *Югра*. Связи между древнекоми и древнеудмуртскими диалектами, видимо, окончательно прервались лишь в XIII–XIV веках [Белых 1995]. Теоретически допустимо, что этноним **jogra* мог попасть в коми и удмуртский независимо и после окончательного распада прапермского единства (дейотация в удмуртском варьирует по диалектам до сих пор: удм. (НЧеп.) *egit* ‘молодой’ [Тепляшина 1970: 191] вместо лит. *jegit* ← тат. *jëğët* ‘молодой человек, парень’), хотя для такого предположения должны быть веские экстралингвистические основания. Впрочем, в любом случае, поскольку др.-рус. *Югра* встречается в документах с начала XI в. (см. ниже), его источником должно было быть слово еще сохранявшего свое единство пермского праязыка, скорее всего — слово из северного прапермского (докоми) диалекта, которое можно реконструировать как **jogra*.

Сведения о *Югре* русских источников вкратце следующие (при отсутствии особых ссылок материал и комментарии даны по обобщающим работам [Лерберг 1819; Оксенов 1891; Дмитриев 1894]):

1032 г. — поход новгородцев на Югру, поражение их у *Железных ворот*. Н.П. Барсов был склонен видеть здесь упоминание урочища *Железные Ворота* на правом берегу р. Сысолы в 80 верстах от Усть-Сысольска (Сыктывкара) [Барсов 1885: 63]. Другие исследователи — проход через Урал, или даже ледяные глыбы в устье Оби (морской путь в Югру).

1096 г. — знаменитый «рассказ Гюряты Роговича»: «Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюряты Рогович новгородецъ, глаголя сице, яко послах отрокъ свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новгороду. И пришедшю отроку моему к ним, а оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмь, и сосѣдят с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему дивно мы находим чюдо, его же [н]ѣсмы слышали прежде сих лѣт, се же третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тѣх кличь великъ и говорь, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и в горе той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо, и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии» [ПВЛ: 167]. Фраза «Югра же людье есть языкъ нѣмь» свидетельствует в пользу того, что под интересующим нас названием имеется в виду не просто территориальное или политическое объединение, но особый народ, говорящий на своем непонятном языке, причем, поскольку подобного не сказано о Печере (скорее всего — какие-то пермяне, предки коми), косвенно это может свидетельствовать о том, что язык Югры был непонятен не только русским, но и пермянам, что имеет принципиальное значение (см. ниже). В тексте нет никаких указаний на то, что Югра обитала *западнее* Уральских гор: северная часть Приполярного Урала и Полярный Урал («горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе») находятся именно *к северу* («есть же и подаль на полунощии») от бассейна Сев. Сосьвы и Ляпина, основной путь куда вел через более южные проходы по Северному Уралу (*Югринский переход*), и где, как увидим ниже, локализовалась Югра в более поздние эпохи.

1114 г. — ладожане «мужи старіи ходиша за Югру и за Самоядь».

1187 г. — «избьени быша печерьскеи и югрьскіи даньници <сборщики дани — *В.Н.*> въ Печере, а другии за Волокомь» [Новг. I Ст., 48]. Очевидно, упомянутой *волоки* находился далее на восток, чем *Печера*, что косвенно указывает на то, что Югра локализовалась в бассейнах рек восточнее р. Печоры (если *Печера* и *Печора* связаны между собой), т.е. — в бассейне Оби. Вообще, по-видимому, походы новгородцев в Югру стали к концу XII века более или менее обычным делом, поэтому летописи отмечают только неудачи.

1193–1194 г. — неудачный поход новгородской рати с воеводой Ядреемъ на Югру; один югорский город взят, при осаде второго, в результате хитрости югорцев и предательства новгородца Савки («тъ бо Савица перевѣт держаше отаи съ княземъ югорьскимъ») погибла большая часть рати. Здесь важны слова югорского князя, обманом удерживавшего новгородцев от штурма города: «сбираемъ сребро, и соболь, и иная узорочиа». Серебро, о котором идет речь, маркирует скорее не земли в бассейне Печоры, где особого изобилия этого металла не отмечено, а зауральские территории, где широкое хождение имели серебряные изделия иранского происхождения [Новг. I. Ст., 52–53; Новг. I. Мл., 120, 121об.].

1265 г. — договорная грамота Новгорода и Тверского князя Ярослава Ярославича с первым упоминанием Югры как новгородской волости; с этого времени до конца XV века Югра упоминается в договорных грамотах Новгорода с князьями в ряду: *Заволочье, Тре, Пермь, Печера, Югра*. При этом управлялась эта волость, вероятно, не новгородскими «мужами», а местными князьями, и отношения их с Новгородом носили характер нерегулярных выплат дани или «военных реквизиций» новгородцев.

1323 г., 1329 г. — сообщения об ограблении устюжанами новгородцев, ходивших в Югру.

1357 г. — «на Югрѣ» погиб Самсон Колыванов «съ други».

1364 г. — поход новгородцев на Югру, на Обь: «съ Югры Новгородци приѣхаша, дѣти боярскіи и молодые люди, воевавшие по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Первая более или менее точная локализация Югры. Видимо, вообще — первое упоминание *Оби* [Замысловский 1884: 88].

1399 г. — в житии Стефана Пермского: «А се имена мѣстомъ и странамъ и иноязычникомъ, живущимъ вокругъ Перми: Двиняне, Усть-южане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гаиане, Вятчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь Великая глаголемая

Чюсовая». Список явно не организован по какому-либо принципу и не может указать на локализацию Югры.

1446 г. — поход трех тысяч «ратью заволочкою» во главе с новгородскими воеводами Василием Шенкурским и Михайлой Яколем на Югру; отряд Василия Шенкурского разбит, и острог, в котором он находился, разорен [Новг. I. Мл., 262 об.]. Видимо — последнее сообщение о новгородском походе на Югру.

1465 г. — по повелению Вел. Кн. Ивана Васильевича устюжанин Василий Скряба с охочими людьми и с вымским князем Василием Ермолаевичем с вымичами и вычегжанами идут на Югру. Захватывают в плен князей Калпака и Течика, которые затем получают от Ивана Васильевича Югорское княжение и становятся данниками Москвы. Отличие данного похода от походов новгородцев на Югру — то, что коми (вымичи и вычегжане) выступают здесь союзниками русских (против новгородцев обычно выступали и Югра, и Печера, и Пермь).

1471–1472 гг. — Москва подчиняет новгородские волости Двину и Пермь. Югра остается последней новгородской волостью на северо-востоке, не полностью подвластной Москве.

1483 г. — поход Федора Курбского Черного и Ивана Салтык-Травина с войском устюжан, вологжан, вычегжан, вымичей, сысоличей, пермяков на Югру и пелымских *вогуличей*. Путь войска: вниз по Пелыму — Тавда — Тура — Тобол — Иртыш — вниз по Оби, где земля *Югорская*: «и поидоша оттоле на великую реку Обь, ширина еѣ шездесят врьсть, и поимаша князя Молдана на рецѣ Оби, и княжих Екмычѣвых дву сыновъ поимаша». Затем к великому князю с челобитьем в Москву приходят князья «Вогульскіе и Югорскіе: Вогульскій князь Юмшан на Калпа, а Сибирскій князь Лятик» и «Вогулятин князь Пыткѣи с поминки с великими от князеи Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всее земли Кодские и Югорские, да били челом о полоненых князех о Молдане с товаришы, чтоб государь смиловался, отпустил бы их въ свою землю». В результате этих посольств заключены мирные договоры с Москвой (князь Лятик в 1484 г.) и с пермичами в Усть-Выми (1485 г.) [ПСРЛ 26: 276–277]. Речь здесь очевидно идет не об этнических, а о военно-политических объединениях: пелымском вогульском (Пелым, Лозьва, Тавда, возможно — Конда), югорском (Обь в нижнем течении и Сев. Сосьва с Ляпином) и кодском (Обь от впадения Иртыша до разделения ее на Большую и Малую), которые находились между собой в союзнических отношениях, и население которых, вероятно, было весьма смешанным в этноязыковом отношении.

1488 г. — письмо Ивана III венгерскому королю, где он впервые именует себя великим князем *Югорским*.

1499–1500 гг. — большой поход московской рати «въ Югорскую землю, на Кудь и на Гогоуличи» (те же три политических объединения). Войско состояло из трех частей, которые встретились у устья правого притока Печоры, реки Щугор. Затем их путь лежал вверх по Щугору, на лыжах через Урал, где попутно был разбит отряд *самоедов* (речь, очевидно, идет о *каменных самоедах* — ненцах Полярного и Приполярного Урала, чья земля, согласно «Сказанию о человецех незнаемых», «облежить около Югорские земли» [Анучин 1890: 235]; к определению южных пределов их территорий ср. в «Книге Большому Чертежу»: «А от верху Усы реки до верху горы Князьковой 150 верст; а промеж тех рек и реки Оби, и реки Пузги, самаядь кочевая» [КБЧ: 162]; ср. также топонимы ненецкого происхождения на Приполярном Урале в северной части бассейна р. Ляпин: р. *Хальмер-ю* и др. [Матвеев 1990: 67–95]), на реку Ляпин (другое название — Сыгва), по ней — вниз к городку Ляпин, возле которого встретили отряд союзных Югорских князей, прибывших с Обдоры (низовья Оби, район нынешнего города Салехарда) на оленях. Затем войско вновь разделилось: отряды князей Семена Федоровича Курбского и Петра Федоровича Ушатого, спустившись, видимо, по Сев. Сосьве, действовали в низовьях Оби, а отряд Василия Ивановича Гаврилова действовал южнее, выше по Оби. Результат похода — окончательное покорение Москве земель по нижней Оби, лишение югорских княжеств независимости.

1500 г. — югорские земли включены в Чердынское наместничество.

1593 г. — основание гор. Березова и соответствующего наместничества, в которое входят с этого времени и югорские земли.

1607 г. — царская грамота Березовскому воеводе Петру Черкасскому о торговле с самоедами, где упомянуты: *самоядь озерная* пустозерская на Печоре, *самоядь кунная* яшашная на Оби, *самоядь каменная* на Урале, *вогуличи*, *остяки*. *Югры* — нет.

1680 г. — основание *Югорского* наместничества, название — не более чем дань традиции.

1701 г. — упоминание юрт *Югриковых* у слияния Ляпина (Сыгвы) с Сев. Сосьвой в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова. Возможно — последний отголосок бывшего жительства Югры на этих землях.

Таким образом, в X—XI веках где-то на крайнем северо-востоке Восточной Европы или/и (и скорее всего) на крайнем северо-западе Западной Сибири, в районе от верхней Вычегды и бассейна Печоры до нижней Оби и от верховьев Камы до Ледовитого океана, между пермянами (предками коми — др.-рус. *Пермь*, возможно также (??) — *Печера*) и самодийцами (предками ненцев — др.-рус. *Самоядь*) жило некоторое население, говорившее на особом языке («Югра же людье есть язык нем»), которое, как и район его обитания, пермяне называли **jōgra*. Название это дало в древнерусском форму *Югра* и было известно (судя по корневому **u*, отраженному в арабской транскрипции — из древнерусского языка) также в Волжской Булгарии, откуда попало на страницы арабских географических сочинений в форме *jū(γ)ra*. Более точная локализация этого населения и определение его этноязыковой принадлежности на основании имеющихся источников для X—XI вв. невозможна, и попытки такого рода выглядят не слишком убедительными даже для их авторов, см. [Лерберг 1819: 77–81; Барсов 1885: 60–63; Оксенов 1891: 247–249; Дмитриев 1894: 20–22; Zsirai 1930: 33–34]. Более того, в принципе возможно, что речь идет не об отдельном народе, а об изначально смешанном населении, объединяемом только рамками какого-то территориально-политического образования — подобно более позднему населению югорских и кодских остяцких княжеств. Самое раннее внятное указание на местонахождение Югры в середине XIV в. помещает ее в нижнем Приобье, в районе, к которому привязаны различные упоминание о Югре, *югорских* князьях, городках и т.д. и в дальнейшем на протяжении XIV—XVII вв. Хотя многими авторами неоднократно высказывалась и высказывается мысль о смещении этнической территории Югры с крайнего северо-востока Восточной Европы в Приобье, реальных оснований для этого предположения нет, все данные исторических источников, топонимики и др. всегда можно непротиворечиво интерпретировать, исходя из изначальной локализации Югры в нижнем Приобье. Все, что было написано по этому поводу за последние сто лет, нимало не может поколебать верного утверждения А.В. Оксенова: «допуская, что может быть Югорская земля до половины XIV века полагалась русскими людьми отчасти на запад от Урала, мы в то же время решаемся утверждать на основании многих известий о Югре с половины XIV в., что под Югрой и в древнее время до XIV в. разумелась страна за Уралом, в бассейне Оби» [Оксенов 1885: 429].

На протяжении XI—XIV вв. территория расселения Югры была объектом колониальных экспедиций Новгорода, и с середины XIII века этим словом обозначают уже не только народ

и страну, но и новгородскую *волость*, т.е. определенную административно-территориальную единицу. Во второй половине XV века, в ходе установления московского господства на крайнем северо-востоке Восточной Европы и в нижнем Приобье, завершившегося походом 1499 г., источники упоминают *югорских князей*, а *Югра* и *югричи* фигурируют в них наряду с *пелымскими вогуличами* и *Кодой* — то есть как название территориально-политического объединения и его населения.

«Сказание о человецех незнаемых», записанное не позднее конца XV века, вообще не упоминает *Югру* как народ, но использует термин *Югорская земля*: «На восточнѣи странѣ, за Югорскою землею надъ моремъ живутъ люди, самоѣдь. Зовомы Могонзѣи </ Малгонзѣи/Молгонзѣи/Молгозиѣи>...». «Въ восточнѣи же странѣ есть инаа самоѣдь каменскаа облежить около Югорскіе земли. А живутъ по горамъ высокымъ» [Анучин 1890: 230, 235].

Название *Молгонзѣи* происходит, видимо, от нен. *monganzi* — ненецкого названия рода энцев *Муггади*, эн. *mogadi* (от эн. *toga* ‘лес’ и нен. *tonga* ‘низина в излучине реки’ < ПСам. **тонка* ‘лесистая местность, лес’ [Хелимский 1981: 124]). В первые десятилетия XVII века тундровые энцы вносили ясак в *Мангазее* и назывались в русских документах *мангазейской самоедью*, а род *Муггади* фигурировал в документах как *Мангазее* [Васильев 1982: 57–59; Долгих 1960: 141]. Итак, земли тундровых энцев в низовьях Таза находятся за *Югорской землей*, которая, таким образом, должна быть локализована на крайнем северо-западе Западной Сибири, скорее всего — в низовьях Оби, которая служит опорной осью географии «Сказания». В русских источниках с XV века *каменными самоедами* назывались ненцы Полярного Урала (в основном его сибирской стороны) — в противоположность *низовым самоедам*, жившим в тундрах правобережья Нижней Оби и восточнее [Анучин 1890: 306–307]. Таким образом, это сообщение «Сказания» указывает на близость *Югорской земли* к Полярному Уралу.

Аналогично — как название административно-территориальной, а не этнической единицы в низовьях Оби — предстает термин *югорский* и в конце XVI века в «Книге Большому Чертежу»:

«А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские города. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибирь» [КБЧ: 168]. «А по Сосве и по Сысве < = р. *Сыгва*, Ляпин — *В.Н.*> города. Сверху на Сосве город Юиль, а с другой стороны, на низ 30 верст, Мункус <...> А на усть реки Сосвы, с вышней стороны, Мах-

тин, а с нижней стороны Березовой. И те города по Сосве и Сысве, Югра» [КБЧ: 170].

Таким образом, в XV–XVII вв. название *Югра*, *югорский* обозначают уже как правило территорию или политическое объединение и явно не несут какой-либо этнической специфики. С этим перекликается и давно замеченная исследователями путаница в принадлежности некоторых князей в описании событий 1483–1484 гг.: «*вогулятинъ* Пыткей, князь *Кодскій*» — «*вогулятинъ* Пыткей, князь *Югорскій*» [Дмитриев 1894: 26–28, 63–64; Zsirai 1930: 52–53]. Окончательное исчезновение *Югры*, *югричей* и *югорской* земли со страниц документов в течение XVII века [Дмитриев 1894: 11–12, 30–31, 80, 90–93] знаменует собой скорее не ассимиляцию особого народа, *югричей*, а прекращение использования названия в силу того, что народ, от названия которого оно образовано, уже (может быть, в XV в.) исчез с исторической арены и/или политическое объединение, называвшееся по имени народа или именем которого назывался народ, перестало существовать.

На основании значения коми *jegra* ‘(северные) ханты и/или манси’, а также — того, что др.-рус. *Югра* применяется к населению земель, где в более позднее время жили манси и ханты, принято считать (и отнюдь не «со времен работ С.В. Бахрушина» [Курлаев 1997: 104], а гораздо раньше — см. [Лерберг 1819: 11–18; Оксенов 1891: 248–250; Munkácsi 1895; Дмитриев 1911: 11, 18–19, 27–28; Zsirai 1930: 75–79; Бахрушин 1955]), что и изначально данное название должно было означать каких-то обских угров, а именно — северных хантов, так как с достаточной степенью уверенности можно говорить, что северная (сосвинско-сыгвинская) группа манси сформировалась в течение XVII–XIX вв., вследствие оттока мансийского населения с запада и с юга на север и ассимиляции им северных хантов [Соколова 1982: 29–33].

Принципиальное значение имеет, однако, то обстоятельство, что в ряде русских документов XVI века *югричи* упоминаются рядом не только с *пелымскими вогулами* (уже в житии Св. Стефана Пермского, конец XIV века), которых составляли в основном предки манси, но и с *кодскими*, *казымскими остяками* [Миллер 1937: 339–340; Дмитриев 1894: 31], в которых следует видеть в основном предков хантов. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что в тот короткий период, когда в русских документах еще присутствуют *югричи* (см. выше) и уже фигурируют *остяки* (с 1499 г.), русские различали эти две группы.

М. Жири предложил этому свое объяснение, состоящее в том, что под *Югрой* (до появления *вогулов* и *остяков* на страницах

документов) имелись в виду «обские угры в целом», затем — северные манси и северные ханты, в отличие от других манси и хантов, а позже названия *вогулы* и *остяки* были распространены и на северных, вытеснив термин *югричи* [Zsirai 1930: 75–79]. Поскольку, как было отмечено выше, северная группа манси сложилась уже после исчезновения (этнического) термина *югричи* со страниц документов, это объяснение оказывается абсолютно неприемлемым: до XVII века на Северной Сосьве, Ляпине и Нижней Оби жили (кроме ненцев и коми) либо только предки северных хантов, либо они же и *югричи* (неизвестный народ — ?), но не ханты и манси. То же обстоятельство, что многие пельымские вогульские (мансийские), югорские и кодские (хантыйские) князья (*Молдан*, *Пыткей* и др.) во времена покорения Югорской земли Москвой в конце XV века называются то вогульскими, то остяцкими, то кодскими, то югорскими (см. еще [Лерберг 1819: 20]) объяснимо, во-первых, их союзническими отношениями, во-вторых — тем, что речь здесь идет не об этнических, а о территориально-политических единицах, а национальность самого князя и населения княжества не обязательно должна совпадать (у М. Жири же, как и у многих других исследователей, термины *пельымские вогуличи* и *кодские остяки* однозначно связываются в манси и хантами соответственно, что свидетельствует о непонимании ими содержания данных политонимов).

Если, таким образом, Югра X–XI (–XV?) веков — действительно некий особый народ, отличный от манси и хантов, следует ожидать, что его название должно было быть известно и обским уграм как какой-то экзоэтноним. В связи с этим имеет смысл вновь рассмотреть параллель, впервые предложенную еще А. Шренком [Schrenk 1854: 223–225], по поводу которой были высказаны возражения [Zsirai 1930: 17], достаточно, впрочем, голословные, и с тех пор ее, как будто, не вспоминали в этнонимических штудиях:

~ манс. С *jörn*, СЛозь. *jörén*, Пел. *ōrén*, Кон. *jōryén* ~ *joryén* ‘ненец’ (СЛозь., НЛозь. также — ‘северный манси’); СЛозь. *máns-jörén* ‘сосвинский манси’ (букв. ‘мансийский ненец’) [Munkácsi, Kálmán 1986: 176] < общеманс. **jāryān* (с отпадением **γ* после **r* во всех диалектах кроме кондинского);

~ хант. Вах *jāryān*, Вас. *jārkan*, Дем., Ко. *jārən*, Низ., Каз., Обд. *jōry* ‘ненец’; (Фили на Иртыше) *jārān* ‘чудь’ (‘die Tschuden’) (из хант. или манс. → коми *jaran* ‘ненец’) [DEWOS: 405–406] < общехант. **jāryān* < (?) **jāryān*.

Реконструкция общей праформы мансийского и хантыйского названия ненцев вызывает некоторые трудности: долгота в мансийском, равно как и краткость корневого гласного в

хантыйском может быть вторичной; в случае с этнонимом кроме того следует иметь в виду возможность перекрестных заимствований, в том числе и междиалектных. Л. Хонти предположительно восстанавливает общеобско-угорское *jV̄rγzn [Honti 1982: 32, 144]. Значение ‘чудь’ в филевском говоре хантыйского и обозначение этим словом сосьвинских манси их южными соседями может указывать на то, что первоначально оно обозначало каких-то северных соседей обских угров, и лишь позднее было перенесено на ненцев.

Отделять об.-угор. *jārγzn (~ *jāyrzn) ‘ненцы; некий народ к северу от обских угров’ от ППерм. *jōgra ‘обские угры; некий народ к (северо-)востоку от коми’ несмотря на некоторые фонетические трудности едва ли следует. Предполагать заимствование из пермских в обско-угорские языки трудно: коми *e* (ППерм. **o*) как будто никогда не передается в них через **ā* [Toivonen 1956; Rédei 1970]. Поэтому скорее рассматриваемый этноним не мог быть заимствован из пермского языка в обско-угорские, и следует считать либо, что данное название было заимствовано из обско-угорского в пермский, либо, что оно было заимствовано независимо и в обско-угорский, и в пермский из какого-то третьего языка. Пермское слово, ставшее источником для рус. *Югра*, таким образом, должно в любом случае рассматриваться как заимствование (из обско-угорских или неизвестного языка).

Заимствование из обско-угорского в прапермский с точки зрения вокализма (*jāyrz- > *jōgrz-) не исключено (учитывая лабиализованный характер обско-угорского γ = γ̆), но тогда следует предполагать существование обско-угорской формы без *-n (суффикс ?), которая реально не засвидетельствована. Во-вторых, естественно, в этом случае требует решения вопрос о происхождении обско-угорского *jārγzn (~ *jāyrzn): является ли оно в свою очередь заимствованием или имеет собственно обско-угорскую этимологию.

П. Хайду была выдвинута идея об общем происхождении обско-угорского названия ненцев и старого русского наименования восточных ненцев *юрак* от названия рода лесных ненцев *jar* (+ *-k- — прауральский еще суффикс отыменных существительных и прилагательных — и *-n — собственно обско-угорский суффикс > *jarkzn): «лесные ненцы <видимо — судя по наличию r — носители нялинского или ляминского говоров [Попова 1978: 6]. — В.Н.> называют себя *panhasawa* или *hantʲ jar*, и в последнем названии *hantʲ* означает реку Конду, а *jar* — название ненецкого рода». Далее он связывает происхождение родового названия *jar* с нен. *jare* ‘песчаный’ [Hajdú 1950: 25–27]. Необходимо высказать два

уточнения: во-первых, рус. *юрак* в принципе может быть заимствованием из обско-угорских языков, при этом необходимо учитывать, что названия ненцев в энецком и нганасанском языках (*durako*) явно связаны с рус. *юрак*, а это слово в свою очередь обозначает специально ненцев, живущих восточнее Оби — см. о проблеме происхождения русских названий ненцев [Хелимский 2000: 352]. Во-вторых, название ненецкого (не только у лесных ненцев, но и, например, на Ямале) рода *jar?* происходит от нен. *jar?* ‘край, бок; дальний (родственник)’ [НРСл: 854], поэтому *hantʹ jar* могло означать и просто ‘Кондинская окраина’. Эти замечания, впрочем, не опровергают сопоставления в целом, и, если принять предложенную П. Хайду суффиксацию, то представляется вполне возможным вывести обско-угорское **jārʹzn* (~ **jāyrʹzn*) ‘ненцы’ → нен. *jar?* ‘название рода’ < *jar?* ‘край, бок’.

Нельзя исключать связь рассматриваемого этнонима и с хант. Дем., Ко., Цин. *jāra, jōra* ‘чужой, незнакомый, не родственник’ [DEWOS: 403] — основа **jār(γ)a*, которая может быть исходной для **jārʹzn* (~ **jāyrʹzn*) с суффиксацией **(-γ)-ən* и, таким образом, представлять промежуточную фонетическую форму между названием ненецкого рода и обско-угорским названием ненцев. Семантика ‘чужой, незнакомый’ на Демьянке, Конде и Иртыше может быть связана с отсутствием непосредственных систематических контактов этих хантыйских групп с ненцами на протяжении последних веков, и, кроме того, наименование соседних народов по модели «чужой» — совершенно естественно.

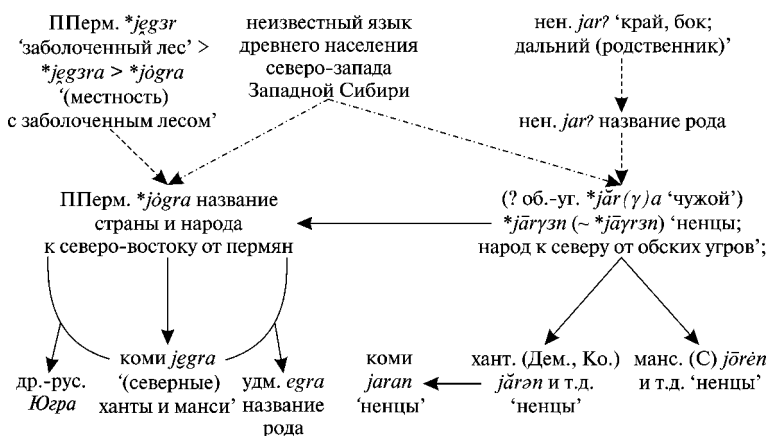
Если эти предположения верны, то придется окончательно признать, что изначально интересующий нас этноним *Югра* не относился к обским уграм, а обозначал их северных соседей — предков ненцев, живших на севере Западной Сибири, куда предки обских угров (собственно носители угорских диалектов) проникали с юга Западной Сибири, с территории угорской прародины.

Все это, однако, будет справедливо лишь в случае принятия идеи об общности происхождения пермского **jōgra* и обско-угорского **jārʹzn* (~ **jāyrʹzn*), точнее — о заимствовании **jōgra* из обско-угорского (древнемансийского) **jāyrʹz(n)*. Слабым местом этой гипотезы является не слишком надежная реконструкция формы **jāyrʹz(n)* с метатезой. Для предположения же о метатезе в коми можно найти подтверждающие примеры: коми Выч. *jegar* ~ *jergil* ‘пьяница’ [Fokos-Fuchs 1959: 315, 319].

Х. Катцем была предложена собственно коми этимология для *jegra* < коми *jegjɪr* ‘болотистый лес’ + суффикс прилагательных

-a [Katz, Koch 1987: 102–104]. Однако она вызывает законные возражения по вокализму (*jegra* < *-ö-, а *jegir*, в Кобринском говоре — *jigir* [КЭСК: 99] < *-ę-) [Rédei 1991: 163–164]. Эти возражения, впрочем, преодолимы: *jegra* представляет собой застывшую суффиксированную форму, в которой могло иметь место расширение и веляризация корневого гласного под влиянием суффикса (так называемый «пермский умлаут»). Проблема состоит, однако, в том, что из пермской формы — будь то коми *jegra*, ППерм **jögra* или ППерм **jegra* — нельзя вывести обско-угорские формы типа **jäyrzn* (коми *jegir*, кстати, было заимствовано в хантыйский: Каз. *ĵēgär* ‘болотистая низина, поросшая низкорослым сосняком’ [Toivonen 1956: 17] — в форме, радикально отличной по вокализму от **jäyrzn*), тогда как обратное заимствование возможно.

В нижеследующей таблице обобщены **возможные лингвистические гипотезы и аргументы о происхождении этнонима Югра**. Толщина и характер линий отражает степень вероятности той или иной этимологии. Естественно, что отдельные линии противоречат друг другу.

После раскопок на Нижней Оби двух городищ вымско-родановского типа: Перегребное I (XII — сер. XIII вв.) и Шеркалы I/2 (XI — сер. XII вв.), а также ряда других памятников примерно того же времени в Северном Зауралье с явными следами связей с вычегодско-верхнекамским населением или — скорее — его непосредственного присутствия [Пархимович 1991: 147–150] стало ясным, что активное проникновение древних пермлян, предков коми, на север Западной Сибири началось не позднее XI века. В связи с этим появилась гипотеза о пермской (древнекоми) этноязыковой принадлежности Югры [Пархимович

1991: 149–150; Курлаев 1996; 1997]. К сожалению, однако, приводимые ее сторонниками аргументы недостаточны для такого вывода, а именно:

Средневековые городки в Нижнем Приобье помимо коми названий имеют параллельные обско-угорские: *Вежакарские юрты* = коми *veža kar* = хант. *jet-woš* = манс. *jālp-ūs* ‘священный город’; *Шеркалы*, (XVII век) *Шеркар* = коми *šer kar* = манс. *jāt-ūs* ‘срединный город’; *юрты Лангивожские, Уркар* = коми *ur kar* = хант. *länki-wäš* ‘беличий город’ и т.д., причем по крайней мере в одном случае можно показать примат обско-угорского названия: *Войкар* = коми *voj kar* ‘ночной, северный город’ < древнекоми (ППерм) **oĵ-kar* ← хант. *äj-woš* ‘маленький город’, в котором хант. *äj* ‘маленький’ переосмыслено как **oĵ* ‘ночной, северный’, а *woš* правильно переведено как *kar* ‘город’ (обратное — из коми в хантыйский — заимствование по вокализму вряд ли возможно) [Steinitz 1980: 281–282]. Так же обстоит дело и с названиями рек, причем опять-таки в ряде случаев можно доказать первичность обско-угорского топонима по отношению к коми (*Сосьва* — коми *sos va* ‘рукав-река’ ← манс. (С) *tāyt* ‘Сосьва’ (деэтимологизированное название реки), которое было воспринято как манс. (С) *tājt* ‘рукав’ и соответственно переведено на коми как *sos* ‘рукав’ [Steinitz 1980: 282; Munkácsi, Kálmán 1986: 614, 617]. Образование русской топонимики региона в основном на базе коми названий вполне объясняется тем, что коми играли роль проводников и «передового отряда» в освоении русскими Западной Сибири [Steinitz 1980: 283].

Так же и данные коми и мансийского фольклора: легенды коми о крестителе печорских коми *Фёдоре Тироне*, от которого они бежали за Урал [Курлаев 1997: 109] (замечу, что эти события во всяком случае происходили уж никак не в XI в.!); записанное Ф.А. Теплоуховым предание обских хантов о переселении их предков из Перми во главе с сотником *Памой*; сопоставление названия *Кода* с эпическим героем коми-пермяков *Кудым Ошем* и с преданиями о его сватовстве в Югре [Пархимович 1991: 151; Курлаев 1997: 109]; предание, записанное П.И. Шешкиным от северных манси, о том, что в генезисе северных манси и хантов принял участие *Мис-ма-хум* ‘коровий народ’ — русые, рыжие и черноволосые люди с бородами и с серыми, карими, черными глазами, которые пришли на Обь с Сев. Двины и Печоры позже других предков обских угров, разводили скот, занимались земледелием, отличались от местных жителей языком, ездили торговать на Волгу [Морозов, Пархимович, Шашков 1995: 71] и т.п., — свидетельствуют лишь о давнем проникновении коми на север Западной Сибири, но никак не позволяют соотнести с ними Югру. Скорее

напротив: в коми фольклоре различия между Югрой и самими коми, например, в тех же преданиях о Кудым-Оше, проводятся достаточно четко.

Равным образом бессмысленно и обращение к старым построениям о былом проживании Югры в Европе, на что, якобы — помимо вновь и вновь перетолковываемых смутных данных древнерусских источников (см. выше) — указывает наличие топонимов типа *Югорский шар*, *Югринский переход* и т.д. [Курлаев 1997: 110]. Ряд упоминаемых Е.А. Курлаевым в этой связи топонимов вообще никакого отношения к Югре не имеет (реки *Юг*, *Угроньга* — точно те же сравнения имеются еще у Н.П. Барсова [Барсов 1885: 62], который, в свою очередь, ссылаясь на мнение В.Н. Татищева о связи таких гидронимов с районами былого проживания Югры [Барсов 1885: 245–246]; несостоятельность этих построений была очевидна уже давно [Zsirai 1930]; стоило ли на исходе XX века возвращаться к наивным сравнениям ученых первой половины XVIII?), другие же относятся к объектам, связанным с путями в югорскую землю, в нижнее Приобье, например, *Югорский шар* — пролив между *Югорским* полуостровом и островом Вайгач.

Что же касается *Югринского перехода*, то здесь речь идет, видимо, о переходе через Северный Урал вдоль небольшого притока реки Илыч (правого притока Печоры), р. *Югра*, которая на коми называется (*iž'id*) *jegra l'aga* '(большая) югорская протока' (отсюда на современных картах — *Буджыдляга*), а по-мансийски *ul's māñ jā* 'Илыча малая река'. В верховьях эта река близка притоку Сев. Сосьвы, реке, называемой по-мансийски *tāyət māñ jā* 'Сосьвы малая река'; эти реки образуют в мансийской гидронимии, таким образом, пару, которой маркирован почти непрерывный водный путь через Урал (вспомним *волок* в сообщении I Новгородской летописи от 1187 г.!). Данные названия нельзя рассматривать в отрыве от находившегося там же населенного пункта, который манси со средней Лозьвы называли *južer rawel* 'югорская деревня', где *južer* заимствовано из русского названия этой деревни *Югра* [Munkácsi 1895: 358–360], см. также обзор в [Zsirai 1930: 6–9]. Наиболее естественным объяснением всего этого комплекса фактов представляется мне следующее: мансийские названия более поздние не только по отношению к коми, но и к русским, исконным является название поселения и реки рус. *Югра*, коми *jegra*, которые означают 'югорская (протока/деревня)' в смысле «протока на пути в Югру» и действительно могут относиться к *Югринскому* или *Югорскому переходу* — старинному пути в Югру, освоенному коми, вероятно, еще раньше русских. Таким образом, данные топонимы указывают не на локализацию Югры, а на путь в Югру, что, естественно, не одно и то же.

Просто беспомощной является попытка дать этимологию названия *Югра* путем реанимации сообщения бывшего шведского военнопленного в России Петера Шенстрема, содержащегося в его написанной в 1741 г. и опубликованной в 1816 г. книге: «А еще живет к востоку от реки Камы и Перми народ, который русские называют вогуличи [*Wogulitzen*]. Они, как мне один из них рассказал, прежде обитали на реках Двина и Юг [*Jug*] и назывались в то время *Jugorski*, без сомнения, по реке Юг, которая впадает в Двину, к [названиям] всех рек той стороны присоединяется слово *-ora*, как то *Jugora*, *Petzora*, *Obdora* (которая представляет собой реку Обь или вокруг нее лежащую землю), как и ко многим другим, которые оканчиваются на *-ora*. И говорят эти *вогуличи* на языке, который является диалектом финского» (цит. по: [Zsirai 1930: 7]). Следуя этому сообщению, Е.А. Курлаев считает, что «названия *Югра*, *Угра* <...> очевидно образованы от гидронимов с основой *-юг(a)*», и к этому же кругу гидронимов относит название речки *Югра* на Урале [Курлаев 1997: 111].

Естественно, никакого суффикса *-ora* в русском языке нет. Созвучие гидронима *Юг* (← раннего ППерм **juγ* < ПФУ **joke* ‘река’) и этнонима *Югра* (о происхождении — см. выше) существует только в русском языке, где оба эти названия являются заимствованиями, а исходные их формы в пермских языках уже несопоставимы — не говоря уж об их более глубоких истоках (несостоятельность данного сравнения была показана еще Й.А. Шёгреном [Schögren 1861: 639] и Б. Мункачи [Munkácsi 1895: 353]). Данная этимология безусловно ошибочна. Если сопоставление *Юг* и *Jugorski* (видимо, из рус. **народ югорский*) у Шенстрема исходит от его информантов, а не является его собственным домыслом, то из этого сообщения непосредственно следует лишь то, что уже в XVIII веке такая народная этимология связывала слово *Югра* с названием реки *Юг*, и это — наряду с воспоминаниями о героической эпохе их истории времен Асыки (см. выше) — служило одним из оснований для возникновения у манси (*вогуличей*) преданий о былом проживании их предков далеко на западе. О том же, что манси или Югра на самом деле жили когда-то на западе, в сообщении Шенстрема не содержится совершенно никакой информации.

Таким образом, предложенные археологами аргументы в пользу пермской этноязыковой принадлежности Югры весьма слабы и скорее дискредитируют эту гипотезу. Однако факт раннего (уже в XI в.) проникновения пермян на югорские земли имеет огромное значение для дальнейшего исследования пермско-югорских взаимоотношений и этнической истории Урала и Западной Сибири в целом. В частности, эти данные заставля-

ют с особым вниманием отнести к пермской этимологии для **jōgra*, предложенной Х. Катцем: теоретически допустимо, что предки коми, построившие в XI в. городки типа Шеркалы I/2, могли назвать освоенную и, вероятно, в той или иной степени контролируемую ими в Нижнем Приобье территорию **jēgzra* ‘(земля с) заболоченным лесом’ (что семантически вполне оправдано), откуда затем возникла форма **jōgra*, обозначающая территориально-политическое объединение, возникшее вокруг этих городков, и население, жившее в пределах этого объединения — скорее всего полиэтническое и разноязыкое (это не снимает высказанных выше соображений об отсутствии среди югорского населения непосредственных предков хантов и манси). Произошедшее позднее изменение значения данного термина, отслеживаемое по источникам, и его постепенное исчезновение можно связывать не с исчезновением какого-то народа, а с прекращением политического влияния указанных центров и заменой его новгородским, кодским, пельмским, а в конечном счете — московским господством. Однако эта гипотеза помимо слабости предложенной Х. Катцем этимологии встречает еще по крайней мере два возражения: во-первых, она не объясняет сходства обско-угорского **jārγzn* (~ **jāγrzn*) и коми *jēgra* (заимствование из коми, повторю, едва ли возможно); во-вторых, непреодолим анахронизм: самая ранняя датировка указанных древнепермских памятников в Нижнем Приобье — XI в., а название Югра фиксируется арабскими источниками уже в первой половине IX в.

С другой стороны, независимо от решения вопроса об этимологии интересующего нас названия, поскольку речь идет о времени (XI в.), когда еще сохранялись связи в рамках прапермского диалектного континуума, представляется хорошая возможность объяснить проникновение слова **jōgra* к удмуртам в виде названия рода *Эгра*. «Традиционная» точка зрения (см. [Тепляшина 1967; Атаманов 1988: 36–37, 43] и пр.), состоящая в предположении о былом вхождении в состав удмуртов каких-то (обско-)угорских групп, принесших родовые названия *Эгра* и *Пурга* (о последнем см. ниже), не может быть принята, поскольку противоречит целому комплексу фактов: 1) не выявлено никаких следов былого пребывания обских угров на территории Удмуртии ни в топонимике, ни в языке или традиционной культуре удмуртов (см. подробно о низкопробных попытках такого рода [Напольских 2001; 2002; Napolskikh 2002]); 2) теоретически можно допускать проникновение сюда лишь каких-то групп южных или западных манси (с Сылвы, Чусовой, Тавды, нижней Лозьвы, Пелыма) — или, с юга, протовенгров, которые, во-первых, никак не соотносятся с *Югрой* (в коми языке *jēgra* — ‘северные обские угры’, в русских

источниках южные и западные манси — *вогуличи* или *остяки*, но не *югричи*), во-вторых — не могли принести с собой и название фратрии *Пор*, поскольку такого названия не знали (см. ниже); 3) рассматриваемый этноним (**jõgra* etc.) не является и никогда, насколько можно судить, не был самоназванием какой-либо обско-угорской группы, а применялся обскими уграми в отношении ненцев, которые (как и самодийцы вообще) в любом случае никогда не появлялись в Прикамье.

Тесные связи северных пермян — предков коми с нижеобским населением, существовавшие уже в XI веке, и непосредственное проживание каких-то (пра)пермских групп на нижней Оби должны были привести к распространению в их среде местных этно- и топонимов, которые могли использоваться и как личные имена, и как названия территориальных, социальных и родовых групп, связанных с этими районами. Понятно, что вследствие сохраняющихся связей нижеобских пермян с их европейскими родичами такие названия и имена могли распространиться в пермской среде и к западу от Урала. В ходе внутривермских контактов в XI–XIV веках эти названия (в виде пермских личных и родовых имен) могли беспрепятственно проникнуть и к южным пермянам, предкам удмуртов при переселении на территорию последних верхнекамских (древнекоми) групп, уходящих от христианизации [Белых 1996].

На то, что речь здесь идет не просто о единичных заимствованиях личных имен (большинство названий удмуртских родов — вопреки наивным тотемистическим построениям М.Г. Атаманова — очевидно образованы, как образуются и сегодня, от личных имен их прародителей), а на переселение на юг каких-то севернопермских групп, связанных с севером Западной Сибири, может косвенно указывать и то обстоятельство, что рядом с родом *Эгра* в центре и на северо-востоке Удмуртии был распространен большой род *Пурга*, название которого (удм. *purga* < **por-ga*, где **-ga* — распространенный в старых удмуртских личных и родовых именах формант) может быть связано с названием фратрии *Пор* у северных хантов (заимствовано от хантов) у северных манси. По поводу названия *Пурга*, как указано выше, М.Г. Атаманов и др., к сожалению, тоже успели написать. Дабы не вдаваться в ненужные подробности, укажу лишь на принципиальные обстоятельства, которые здесь следует учитывать.

Во-первых, связь родового имени *Пурга* (< **porga*) с удмуртским названием марийцев, удм. *por* (< **põr*), постулируемая некоторыми исследователями, не так очевидна, как кажется: прежде всего, фонетически (по вокализму: **o* ~ **õ*) это сопоставление небезупречно, кроме того, удм. *por* ‘мариец; иноп-

леменник, чужак' < **pör* может быть объяснено как заимствование из марийского, ср. мар. *pörjeŋ* 'мужчина' — старый композит, где *jeŋ* 'человек', а *pör*, видимо, является стянутой формой от мар. (Г., Урж.) *püeryä* (< **pü* 'мальчик, сын' (финно-угорский корень, представленный в марийском только в данных композитах) + *eryä* 'сын'), и имеет внешнюю параллель, которая может указывать на древность этого композита: венг. *férj* 'мужчина' [MSzFE I: 203]. Заимствование (древне)мар. *püeryä* ~ **pör*- 'мужчина' → древнеудм. **pör* > удм. *por* 'мариец' не вызывает принципиальных возражений ни в семантике, ни в фонетике; закреплению этнонима *por* в удмуртском языке могли способствовать и традиционные марийские формулы приветствия типа *poro keče* 'добрый день', по народной этимологии: народ *por* = люди, говорящие при встрече «*poro*».

Во-вторых, фратрии *Мось* и *Пор* имеются только у северных (сосвинско-сыгвинских) манси, другим группам манси эти слова не были и не могли быть известны, поскольку оба они заимствованы северными манси из северных диалектов хантыйского языка: манс. (С) *mäs* ← хант. (Обд., Каз.) *mäs* ~ (Вах, Юган) *máñt'*, (Дем., Кон.) *moñt'*, (Тром.) *máñt'* < ПУг. **mañcz* (см. ниже); манс. (С) *por* ← хант. (Каз.) *pör* ~ (Вах, Вас.) *pär* [DEWOS: 942–944, 1195–1196; MSzFE II: 416–417; Munkácsi, Kálmán 1986: 455–456]. Это заимствование имело место, видимо, в процессе ассимиляции предками северных манси каких-то групп северных хантов в XVII–XIX вв. — см. выше. Учитывая, кроме того, отсутствие каких-либо параллелей названию фратрии *Пор* в венгерском языке, следует, таким образом, считать, что это название не только не является мансийским, но и не является общеугорским, и истоки его надо искать в особенностях этнической истории хантов, предполагать былое присутствие которых на территории Удмуртии нет уже никаких даже чисто теоретических оснований.

В-третьих, и у хантов данные две фратрии прослеживаются также только у северных (обдорских, шурышкарских, куноватских, казымских), но в хантыйском (практически у всех хантыйских групп) фольклоре и, соответственно, — в фольклоре северных манси словами *Пор* и *Мось* называются персонажи, принадлежащие к двум разным «народам», которые (в основном на севере) рассматриваются либо как предки соответствующих фратрий, либо (у восточных и южных хантов) — просто как персонажи мифологического времени («женщина *Пор*» и «женщина *Мось*»). При этом «народ» *Мось*, название которого восходит к древнему самоназванию угров, ПУг. **mañcz* (> хант. (Каз.) *mäs* (→ манс. (С) *mäs*) 'фратрия *Мось*', Вах *máñt'* 'мифический народ *Мось*' и т.д. ~ манс. (С) *mañsi*, (Пел.) *máñs*, (Т.) *máñcī* 'манси (самоназвание)' ~ венг. *magy*- в *magyar*

‘венгры (самоназвание)’), и под которым, видимо, скрываются собственно угорские предки хантов, противопоставляется как «культурный» народ таежному «дикому» народу *Пор* [DEWOS: 942–944; MSzFE II: 416–417]. Таким образом, название *Пор* изначально (на «протохантыйском» уровне) обозначало никак не собственно угров-**mańćz*, общих предков хантов, манси и венгров, выходцев с юга Западной Сибири, а аборигенов северной западносибирской тайги, народ неизвестной этноязыковой принадлежности, — точно так же, как и, возможно, *Югра*.

Суммируя все сказанное, следует сделать вывод, что предположения М.Г. Атаманова и К^о об угорском, якобы, происхождении удмуртского родового имени *Пурга*, в случае их принятия, могут быть истолкованы лишь следующим образом: данное название было принесено в Удмуртию северными (сосвинско-сыгвинскими) манси никак не раньше XVII века. Дальнейшие размышления по этому поводу оставляю читателям. Не могу, однако, не заметить, что и в области этнонимии М.Г. Атаманов сохраняет верность тому уровню, который характерен для его топонимических изысканий (см. [Напольских 2001; 2002; Napolskikh 2002]).

Нельзя, конечно, исключать того, что названия *Эгра* и *Пурга* могли попасть к удмуртам в ходе их непосредственных контактов с древними, впоследствии ассимилированными собственно уграми аборигенами северной западносибирской тайги, к которым могли первоначально относиться этнонимы *Югра* и *Пор*. Контакты эти должны были иметь место до продвижения угров на север Западной Сибири, то есть, по самой осторожной оценке, никак не позднее I тыс. н.э. Однако, такая возможность остается чисто умозрительным допущением, и никаких специальных аргументов в ее пользу нет, более того, если ППерм **jõgra* действительно восходит в конечном счете к ненецкому языку (см. выше), эту возможность следует полностью исключить, так как нет никаких оснований предполагать былые непосредственные контакты предков удмуртов и предков ненцев.

Поэтому я склоняюсь к выводу о том, что неслучайное территориальное соседство родов *Пурга* и *Эгра* обязано тому, что эти названия имеют общее происхождение, и основа *por* (> *por-ga* > *purga*) попала к южным пермянам, предкам удмуртов вместе с названием **jõgra* (> *egra*) в качестве родового или личного имени при вхождении в их состав каких-то севернопермских (протокоми) групп, имевших связи с Нижним Приобьем в финальный период существования общепермского этноязыкового континуума в XI–XIV вв. Данный вывод согласуется с

предположением о сложении удмуртских родов *Чудья*, *Чудна* и возникновении их названий (← коми *śudʹ* ‘некрещенные предки коми(-пермяков)’ ← рус. *чудь* ‘дорусское население Русского Севера’) вследствие вхождения в состав древних удмуртов каких-то групп предков коми еще в XIV–XV веках [Белых 1996].

Таким образом, происхождение удмуртских микроэтнонимов *Эгра* и *Пурга* может быть объяснено в рамках гипотезы о внутривосточных контактах в позднепрарусскую эпоху, не предусматривающей былого присутствия на территории Удмуртии каких-либо обских угров, что хорошо согласуется с отсутствием следов такого присутствия (по крайней мере — обнаруженных на сегодняшний день) в удмуртской топонимике, языке и традиционной культуре.

Возвращаясь к проблеме древней Югры, следует заметить, что сегодня едва ли следует спешить с определением ее этнической и языковой принадлежности. Не исключено, что это были какие-то ранние парасамодийские (протоненецкие) группы, отличавшиеся от (тундровых) ненцев как по языку, так и по хозяйственно-культурному типу, в силу чего коми, вступив в контакт с тундровыми ненцами, не соотнесли с ними название *jęgra*, а заимствовали вновь обско-угорское слово в его более поздней форме (типа **jarān*). Остается возможность и того, что коми *jęgra* не является прямым обско-угорским заимствованием из **jārųzn* (~ **jārųzn*) ‘северный народ; ненцы’ и служило первоначально для обозначения некоего неизвестного народа (точнее — район Нижнего Приобья, контролируемый в XI–XIII вв. пермским населением, построившим городки типа Шеркалы 1/2, и население этого района), из языка которого и происходят как обско-угорское, так и коми слово, и было перенесено на северных обских угров по чисто географическим причинам, как на северно-восточных соседей коми, занявших это место после ассимиляции Югры.

Следует, видимо, остановиться на наиболее корректной на данный момент формулировке: Югра X–XV вв. представляла собой население неустановленной этноязыковой принадлежности, не относящееся ни к собственно обским уграм, ни к пермякам, ни к собственно ненцам, при этом присутствие пермского компонента в составе Югры едва ли можно отрицать, наличие обско-угорского компонента — маловероятно, северносамодийского (но не собственно ненецкого) — возможно.

Рассмотренными в статье сюжетами ни в коем случае не исчерпывается тема древних пермско-угорских взаимоотношений. Прежде всего были полностью оставлены в стороне

чрезвычайно интересные и многообещающие перспективы исследования правенгерско-пермских связей — поскольку это совершенно особая проблема, требующая специальной междисциплинарной разработки, которая едва ли может быть уложена в рамки одной статьи вообще. Хотя на сегодня имеются работы, посвященные пермско-венгерским языковым параллелям (см. [Rédei 1969]), их, пожалуй, нельзя признать удачным опытом анализа даже исключительно лингвистических аспектов проблемы [Хелимский 1982: 19–20], не говоря уже о полном отсутствии в них признаков комплексного подхода. В то же время успехи отечественной археологии позволяют — даже при минимальной лингвистической поддержке — строить выглядящую на сегодня вполне адекватной и учитывающей все имеющиеся данные модель генезиса венгров и угров в целом, основные элементы которой — поздняя угорская прародина, археологическим аналогом которой являются, видимо, андронидные культуры юго-запада Западной Сибири и Южного Зауралья второй половины II — начала I тыс. до н.э.; выделение степной группировки угров — прото-венгров, отражающееся в сложении в VI веке до н.э. *саргатской* (*саргатско-гороховской*) культурно-исторической общности, распространившейся от Барабинской низменности до предгорий Урала; продвижение протовенгров-постсаргатцев в Предуралье и Прикамье, отразившееся, в частности, в сложении *кушнареноквской* (VI–VII вв. н.э.) и *караякуповской* (VIII–IX вв. н.э.) культур в бассейне реки Белой и нижнем Прикамье и т.д. (см. работы [Халикова 1976; Халиков 1985; Гарустович, Иванов 1992; Могильников 1994] и др.). Остаются кроме того актуальными неоднократно упоминавшиеся выше возможности контактов между пермянами (в том числе — и южными, предками удмуртов) и древними манси, населявшими восточные области среднего Прикамья, тем более, что археологически опять-таки эти возможности находят неплохую базу в виде наличия в нижнем Прикамье так называемых постпетрогромских памятников X в. н.э., оставленных, возможно, потомками носителей *петрогромской* культуры лесного Зауралья [Казаков 1992], в которой, судя по территории и времени ее существования и другим признакам, следует видеть археологический аналог древнемансийской общности.

Однако, весьма вероятные древние правенгерско-пермские контакты во второй половине I тыс. н.э. и возможные контакты в конце I — начале II тыс. н.э. древних южных пермян с древними манси не могут иметь никакого отношения к происхождению названий удмуртских родов *Эра* и *Пурга*, поскольку в обоих случаях речь идет о контактах с собственно угорскими (южными) группами, которым также не были и не

могли быть известны данные этнонимы, появившиеся у северных хантов и манси вследствие ассимиляции уграми неизвестного населения севера Западной Сибири.

Сокращения

булг. — болгарский; **венг.** — венгерский; **др.-рус.** — древнерусский; **лат.** — латинский; **манс.** — мансийский. (ВЛозь. — верхняя Лозьва, Кон. — Конда, НКон. — нижняя Конда, НЛозь. — нижняя Лозьва, Пел. — Пельм, С — северный (Сосьва, Сыгва), СКон. — средняя Конда, СЛозь. — средняя Лозьва, Т. — Тавда); **мар.** — марийский (Г. — горномарийский; Урж. — уржумский); **нен.** — ненецкий; **ППерм** — прапермский; **ПСл** — праславянский; **ПУг** — праугорский; **рус.** — русский; **тат.** — татарский; **удм.** — удмуртский (НЧеп. — нижнечепецкие говоры); **хант.** — хантыйский (Вас. — Васюган, Дем. — Демьянка, Каз. — Казым, Ко. — Конда, Низ. — Низям, Обд. — обдорский, С — северный (обдорский, шурышкарский, казымский совокупно), Тром. — Тромьюган, Цин. — Цингала).

Библиография

- Анучин Д.А.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» // Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 14. Москва, 1890.
- Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1988.
- Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
- Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения. Т.2, ч.1. Москва, 1963.
- Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Том 3, часть 2. Москва, 1955.
- Белых С.К.* Следы общепермского языкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. №2. Йошкар-Ола, 1995. С. 3—17.
- Белых С.К.* Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар: Коми ИЯЛИ КНЦ РАН, 1996. С. 48—51.
- Васильев В.И.* Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. Москва: Институт этнографии АН СССР, 1982. С. 48—80.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.
- Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 5. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь, 1894.

- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55. Москва, 1960.
- Замысловский Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России / Записки Историко-филологического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета. Том 13. Санкт-Петербург, 1884.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии. Москва: Институт археологии РАН, 1992.
- КБЧ* — Книга Большому Чертежу / Ред. К.Н. Сербина. Москва — Ленинград: Наука, 1950.
- Курлаев Е.А.* К вопросу об этнической принадлежности летописной Югры // XIII уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть 2. Уфа, 1996.
- Курлаев Е.А.* Летописная «Югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ ? // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
- КЭСК* — Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва: Наука, 1970.
- Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Пер. Д. Языкова. Санкт-Петербург, 1819.
- Матвеев А.К.* Вершины Каменного Пояса. Названия гор Урала. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1990.
- Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и комм. С.А. Аннинского. Москва, 1936.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.1. Москва — Ленинград, 1937.
- Могильников В.А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола, 1994. С. 61–68.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.А.* Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1997.
- Напольских В.В.* «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (5). Новосибирск, 2001. С.113–126.
- Напольских В.В.* «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2002.
- Новг. I Мл.* — Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку, по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ред. А.Н. Насонов. Москва — Ленинград, 1950.
- Новг. I Ст.* — Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку, по изд.: Новгородская первая летопись

старшего и младшего изводов. Ред. А.Н. Насонов. Москва — Ленинград, 1950.

НРСл — Ненецко-русский словарь. Сост. Н.М. Терещенко. Москва, 1965.

Оксенов А.В. Сношения Новгорода с Югорской землей // Литературный сборник, изданный редакцией «Восточного обозрения». Санкт-Петербург, 1885.

Оксенов А.В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. Часть 273, январь. Санкт-Петербург, 1891.

Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Часть первая. Текст и перевод / Подг. текста Д.С. Лихачёва. М.—Л., 1950.

Попова Я.Н. Ненецко-русский словарь. Лесное наречие / *Studia uralo-altaica*. Vol. 12. Szeged, 1978.

ПСРЛ 26 — Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. Москва — Ленинград, 1959.

Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. Москва: Институт этнографии АН СССР, 1982. С. 8—47.

Тепляшина Т.И. Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки Удмуртского НИИ. Выпуск 21. Филология. Ижевск, 1970.

Тепляшина Т.И. К вопросу об этнониме пор // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Марийский НИИИЯЛ, 1967.

Фасмер М. I—IV. Этимологический словарь русского языка. Том I—IV / Перевод с нем., дополнения О.М. Трубачева. Москва, 1986—1987.

Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. Е.А. Хелимского. Москва: Прогресс, 1985.

Халиков А.Х. Венгры, болгары, буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-алтаистика. Новосибирск: СО АН СССР, 1985.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. №3. Москва, 1976.

Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Советское финно-угроведение. Т. 17, №2. Таллинн, 1981. С. 119—130.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1982.

Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. Москва: Языки русской культуры, 2000.

DEWOS — Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch*

- der Ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1956–1993.
- Fokos-Fuchs D.* Syrjänisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest: Akadémiai kiadó, 1959.
- Hajdú P.* Die Benennungen der Samojuden // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 54. Helsinki, 1950.
- Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai kiadó, 1982.
- Katz H., Koch Ch.* (J)ugra. Zur ursprünglichen Gestalt des Ugriernamens // *Ural-altaische Jahrbücher*. Neue Folge. Bd. 7. Wiesbaden, 1987.
- MSzFE I–III.* A magyar szókészlet finnugor elemei. Köt. 1–3. Budapest. 1972–1978.
- Munkácsi B.* Az ugor népnevezet eredete // *Ethnographia*. Köt. 6. Budapest, 1895.
- Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
- Napolskikh V.V.* «Ugro-Samoyeds» in Eastern Europe? // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Bd. 24/25. Hamburg, 2002. S. 127–148.
- Rédei K.* Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 19:3–4. Budapest, 1969.
- Rédei K.* Die Syrjänische Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai kiadó, 1970.
- Rédei K.* Bemerkungen zu zwei mißlungenen etymologischen Versuchen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 50. Helsinki, 1991.
- Schögren J.A.* Gesammelte Schriften. Bd. 1. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861.
- Schrenk A.* Reise nach dem Nord-Osten des europäischen Rußlands zum arktischen Ural-Gebirge. Teil II. Dorpat, 1854.
- Steinitz W.* Zur Toponymik des nördlichen Obgebietes // *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 4. Budapest: Akadémiai kiadó, 1980.
- Toivonen Y.* Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 32. Helsinki, 1956. S. 1–169.
- Zsirai M.* Jugria // *Nyelvtudományi közlemények*. Köt. 47. Budapest, 1930. O. 1–122.